

Не тунеядец ли он?

Среди ростовских святых есть преподобный Иринарх. Память о нём православная церковь отмечает ежегодно. Вспомним и мы этого Иринарха, особенно его «деяния», за которые его объявили святым. Но так ли это было, как пишет «Житие», ответят факты.

Согласно «Житию», Иринарх родился в деревне Кондаково Ростовского уезда в 1545 году в семье богатого крестьянина, торговавшего в Ростове и в Нижнем Новгороде. До 30 лет занимался тем же и сам, но потом «отказался от мира и постригся в Борисоглебском монастыре». В монастыре он прожил 38 лет в «затворе» и умер 13 января 1613 года. «Иринарх, — описывает „Житие“, одарён был даром пророчества. Он подсказал царю Василию Шуйскому бедствие России и нашествие литовцев. Пророчество его скоро сбылось».

Разберёмся в этом. Василий Шуйский был «выкрикнут царём» 19 мая 1606 года в тот момент, когда в Москве народ восстал против поляков (или, как их тогда называли, «литовских воров»). Ставленник поляков Лжедмитрий I был убит, сопровождавшие его польские войска изгнаны, уничтожены или взяты в плен.

Естественно, возникло желание реванша, и неудача с Лжедмитрием I не остановила захватнических действий Польши. Уже в следующем году на московских границах появился новый польский ставленник — Лжедмитрий II, а с ним и польские войска.

Мы не станем вдаваться в подробности событий 1606—1610 годов — они известны из любого учебника истории. Отметим только, что Василий Шуйский побывал в Борисоглебском монастыре летом 1606 года, когда на западе начали войну поляки, а в стране бушевало народное восстание И. И. Болотникова. Современнику, знавшему всё это, не стоило большого труда «предсказать» Шуйскому «бедствия России и нашествие поляков».

Далее в «Житии» описывается, что «литовцы посетили и Борисоглебский монастырь, но пощадили обитель из уважения к её угоднику».

Исторические источники неопровержимо доказывают, что в 1609 году поляки под командой Сапеги неоднократно захватывали (а не «посещали») монастырь. Многочисленные документы свидетельствуют о зверствах и грабежах поляков, особенно банд панов Сапеги и Лисовского в захваченных монастырях и городах. Напав на Ростов и разбив его защитников, интервенты ворвались в Успенский собор, где устроили резню, несмотря на «увещания» ростовского митрополита Филарета — ставленника Лжедмитрия II, от имени которого выступали поляки. Город, по воспоминаниям современников, был «весь вырезан и сожжён», а сокровища, собранные веками, расхищены. Марине Мнишек пан Сапега преподнёс шестипудовое золотое надгробие с гробницы епископа Леонтия, украденное из собора.

Трудно поверить, чтобы тот же Сапега поддался «увещанию» Иринарха и не разграбил монастырь. Надо думать, Иринарх присовокупил к своим переговорам с интервентами монастырскую казну и тем откупился от разорения.

Затем «Житие» описывает посещение Иринарха Д. М. Пожарским, который вёл народное ополчение на освобождение Москвы. «Праведный муж предсказал совершенный успех в благом деле». Спрашивается, а что мог ещё сказать Иринарх? И здесь слова Иринарха ничего общего не имеют с пророчеством.

А теперь расскажем о том, чего в «Житии» нет, о том, как Иринарх попытался бороться с бывшим «языческим богом».

На берегу Плещеева озера лежит огромный валун, известный в Переславском крае под именем Синего камня. Вместе с тысячами своих собратьев он был принесён ледниками и обосновался на круче восточного берега озера. Первые люди, появившиеся здесь, обратили внимание

на эту четырёхтонную глыбу и стали ей поклоняться. В VIII—IX веках ему поклонялись язычники-меряне, а потом и славяне, приносившие сюда жертвы как богу. Прошло уже более пяти веков, как здесь утвердилось христианство, а переславцы не забывали гранитную глыбу. В определённые дни они украшали камень цветами и лентами и водили вокруг него хороводы.

Духовенство метало громы и молнии, но сделать с «христианскими язычниками» ничего не могло. «Бесовские игрища» продолжались, пока в начале XVII века за это не взялся Иринарх. По его приказанию дьякон переславской церкви Ануфрий вырыл рядом с камнем яму, свалил в неё валун, заровняв сверху вынутым грунтом и дёрном. К радости Иринарха — камень исчез. Но если Иринарх не был силён в естествознании, то дьякон и подавно. Выкопав яму на круче, он нарушил установившуюся десятками тысячелетий структуру почвы. А природа жестоко мстит тем, кто, не зная её законов, нарушает их. Вешние паводки быстро размыли яму и камень опять предстал перед жителями, умножив этим число своих поклонников.

Прошло ещё полтора столетия. Давно уж умер Иринарх, а духовенство всё ещё ломало голову: что делать с этим камнем? Наконец было решено употребить его на фундамент строившейся колокольни. Зимой 1788 года его спустили с горы на замёрзшее озеро, погрузили на громадные дровни и повезли по льду на место строительства. Но камень своей тяжестью проломил лёд и утонул.

Спустя лет 60 переславские рыбаки стали замечать, как из воды постепенно начала выходить каменная глыба. К концу 40-х годов прошлого столетия камень оказался на сухом берегу озера, на этот раз северо-восточном. Старики узнали старого знакомого: это был Синий камень. Оказалось, что весенние южные ветры, гнавшие каждый год ледяные торосы к северу, тащили вместе с ними и Синий камень, вмёрзший в лёд. Так постепенно его выперло на берег, где с тех пор и обосновался этот бывший мерянский бог, с которым не мог справиться Иринарх.

Но вернёмся к «Житию», которое рассказывает об особом «подвиге» Иринарха — многолетнем затворничестве. Уйдя от общества, но продолжая жить за его счёт, Иринарх возвёл свой аскетизм в степень геройства. Он и подобные ему «подвижники» дали богатый материал церкви, которая использовала, и до сих пор использует, пример их бесполезно растроченной жизни как образец христианской добродетели. Поклоняясь им, церковь призывает верующих к смирению и непротивлению злу, к стремлению уподобиться таким святым, чтобы попасть в «жизнь вечную царства небесного».

А стоит ли поклоняться и подражать тунеядцам?

С. Васильев